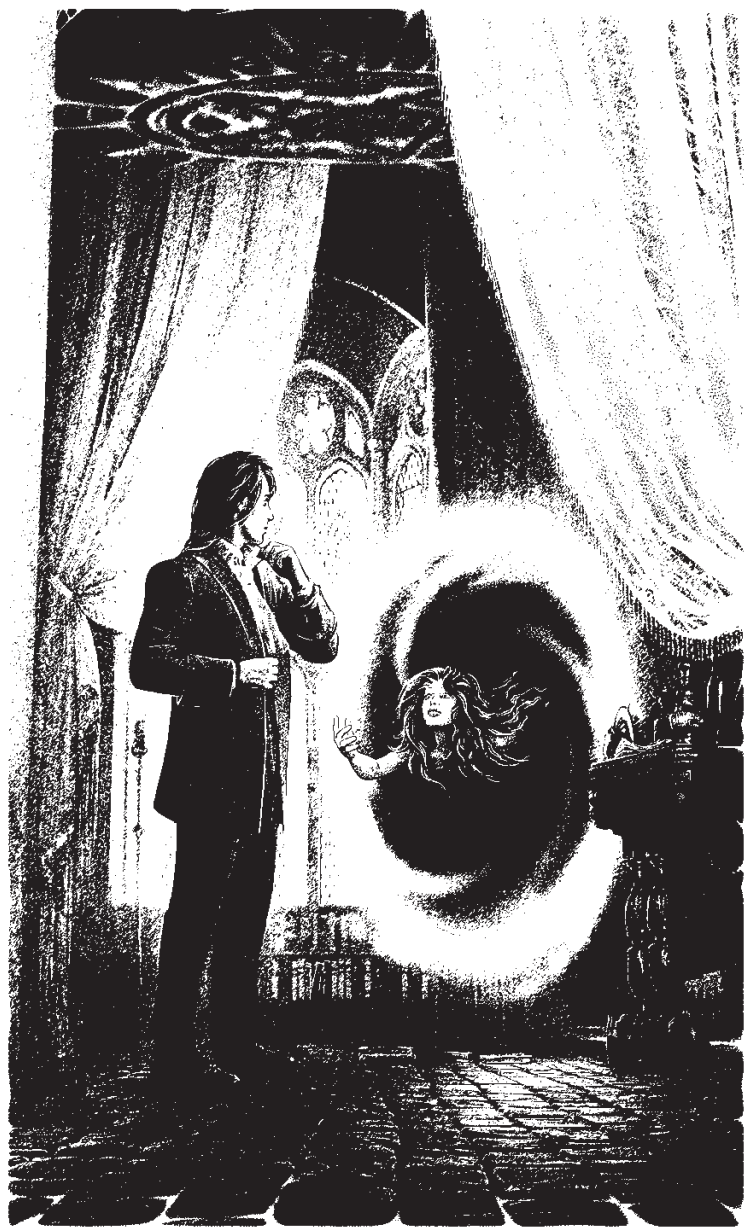

Анна Замосковная

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анна Замосковная

Жена из другого мира

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
3-26

Серия основана в 2011 году
Выпуск 415

Художник
О. Бабкин

Замосковная А.

3-26 Жена из другого мира: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 376 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2835-9

Более экстремальным, чем попадание в другой мир, может быть только попадание в другой мир женой гениального ученого, расследующего заговор против магов-аристократов. Саша убедилась в этом на собственном опыте, и теперь ее ждет незабываемое знакомство с брачной родовой магией, живым домом, чопорной и местами темной столицей островного государства, очень напоминающего викторианскую Англию, погони, покушения, борьба за права и независимость в насквозь патриархальном обществе... И конечно же муж — порой рассеянный, порой забавный, но благородный, как истинный джентльмен.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анна Замосковная, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2835-9

ГЛАВА 1

Во рту, заглушая жжение в горле, полыхнул обжигающей мятой леденец от кашля. Отбрасывая обертку и чек из аптеки в урну, открыла дверь в подъезд, опять проклиная этот адски неудачный день.

Проспала, промокла под дождем, покуковала в двух сломавшихся в рейсе маршрутках. В бухгалтерии уронила горшок с кактусом и схлопотала от девушек впечатлившее их китайское проклятие «чтоб тебе жить в интересное время». Порвала любимые джинсы (хорошо, что в незаметном месте), промаялась с головной болью и першением в горле, порвала бисерную фенечку, подаренную еще в школе, обнаружила у себя температуру, была отправлена домой, теперь любимую секцию пропускала. И телефон на работе забыла. Ну что за день, а?

Цепляясь за перила, с трудом поднимала ноги. Родной второй этаж вдруг оказался расположенным слишком высоко, а рюкзачок за спиной — неожиданно тяжелым. Ступень за ступенью преодолела скрипящую песком под кроссовками лестницу. Ослабевшие руки отказывались снимать рюкзак, искать в нем ключи.

Я привалилась лбом к мягкой обивке новой двери и люто жалела, что Павлик сегодня на подработке. Вот бы завалиться в кровать, и чтобы он чай горячий с лимоном приготовил, и градусник дал, и одеялом укутал.

Лимона, правда, нет и телефона тоже, чтобы позвонить и попросить купить по дороге. Наконец нащупала среди спортивной одежды и кроссовок клякастую черепушку брелока и вытащила связку из трех ключей. В новый замок ключ вошел не в пример мягче, чем в старый, и провернулся бесшумно. Дверь тоже открылась бесшумно, и на меня выплеснулись звуки: частый скрип койки и недвусмысленные охи.

Сердце ухнуло куда-то в неизвестность, руки повисли, и рюкзак тихо плюхнулся вниз. Горло будто перехватило неви-

димой сильной рукой. Вдохнуть не получалось, точно в полусне я шагнула вперед.

Стоны стегали плетью, я шла сквозь светлую прихожую, вздрагивая в такт им и скрипу кровати.

«Нет, только не это! — Меня будто замораживали изнутри. — Может, он кому-нибудь ключи дал, попользоваться разрешил...»

Но здравая часть разума упорно отмела эту надежду: брезгливый Павлик никому не позволит пользоваться нашей кроватью. В прихожей стояли его туфли. И светлые босоножки на шпильках.

Сквозь рифленое стекло двери в спальню проглядывала светлая скачущая фигурка.

Протянула руку. Сердце екнуло, предупреждая, что, если открою дверь, — пути назад не будет. В груди разливалась боль. Я с силой распахнула створку.

Воздух из груди вышибло точно ударом: верхом на Павлике скакала Светка, потряхивая силиконовыми сиськами, на увеличение которых я одалживала деньги. Мое лицо свело судорогой. Увидев меня, Светка ойкнула и хитро, с надеждой глянула на округлившего глаза Павлика.

А я не знала, что сказать.

Моргнула. Скрестила трясущиеся руки на груди.

— А ты почему не в секции? — сипло спросил Павлик.

— А ты почему не на подработке? — тихо спросила я.

Наконец Светка отклеилась от него и, завернувшись в покрывало, двинулась на меня, но я стояла в дверях, и она благо-разумно сохранила дистанцию. Впрочем, мне было так холодно, что я ничего не могла бы ей сделать.

Так мы и застыли. Самое плохое — Павлик не прятал глаз и не выглядел виноватым. Скорее злился. Ну конечно, я помешала развлечению.

Мы продолжали чего-то ждать. Нервно заправив за ухо осветленную прядь, Светка опустила густо покрашенные ресницы:

— Саш, пропусти, пожалуйста.

Механически отступила в сторону. Светка подхватила игривое бежевое платице, набитую косметикой сумочку и кошачьей походкой от бедра двинулась на выход, оставив в постели кружевные трусики и бюстгальтер.

А Павлик смотрел ей вслед жадным, восхищенным взглядом.

Высокая и гибкая, как пантера, она прошла мимо, обдав меня ароматом духов и запахом моего мужа, и с потрясающей наглостью свернула в ванную комнату. В приоткрытую дверь было видно, как она поправляет светлые, идеально уложенные даже сейчас волосы, оглаживает четвертого размера груди с торчащими сосками.

Меня замутило. Шагнула в спальню и захлопнула дверь. Стекло зазвенело.

— Почему? — только и могла спросить я.

Презрительный, оценивающий взгляд Павлика резал сердце, выбивал из колеи и замораживал, замораживал еще сильнее, хотя это казалось невозможным. А я стояла перед ним и ждала, хотя все уже безвозвратно уничтожено и в его ответе смысла нет.

— А ты не понимаешь? — Павлик взял с прикроватной тумбочки тонкие дамские сигареты Светки и закурил, нарушив (вероятно, не впервые) данное мне слово больше не вдыхать всякую никотиновую дрянь. Дым от первой затяжки на миг прикрыл его лицо. Павлик тлеющей сигаретой указал на меня и как бы обвел по контуру. — Ты в зеркало себя видела?

Плотнее стиснула скрещенные руки, да так крепко, что подвеска с черепом больно вдавилась в предплечье и грудь.

— Джинсы, все эти твои детские фенечки, воронье гнездо на голове, кроссовки и майки с тупыми надписями были милы, когда тебе было пятнадцать. Даже в восемнадцать это выглядело ничего, но теперь, Саш... — Он поморщился. — Ты же взрослая женщина, а выглядишь как какая-то гопота из подворотни. Мне стыдно с тобой на людях появляться.

Дыхание перехватывало от каждой фразы. И была растерянность — всепоглощающая, парализующая.

— Тебя же устраивало.

— Разве? — Хмыкнув, Павлик снова затянулся. — Разве я не намекал много раз, разве прямо не говорил, что пора остепениться?

— На твои корпоративы я всегда надевала платя.

— Редкие дни, когда ты была похожа на нормальную женщину, а мне такая нужна постоянно. С аккуратной укладкой и маникюром, накрашенная, в юбках или платьях. А ты какая-то неправильная, Саш. Посмотри на Светика, она даже под нож не побоялась лечь, чтобы соответствовать, а ты? Ты же знаешь, как я люблю большие сиськи, но даже пуш-апом не пользуешься.

Напоминание о Светкиных обновленных сиськах было как удар под дых. Но вспомнился документальный фильм о пластических операциях, и это выдернуло из оцепенения. Я будто заново увидела курящего в нашей кровати Павлика и себя с опущенными руками.

— Так что не надо смотреть на меня, будто я в чем-то виноват, — продолжал добивать Павлик. — Я мужчина, и это естественно, что я хочу видеть рядом настоящую женщину, а не особь неопределенного пола.

Лед в моей груди выпустил шипы, наполняя меня холодной яростью.

«Убью, — меня начало трясти. — Я его сейчас убью».

Толкнула дверь. Бам! Вскрикнувшая Светка отскочила в сторону, потирая лоб. А я застыла, стискивая кулаки, ошарашенно глядя на нее, завернутую в мое махровое с Винни Пухами полотенце, подаренное покойной мамой.

— Не смей! — Вцепившись в край полотенца, судорожно вытряхивала из него Светку. — Не смей! Мое!

Она отшатнулась, силиконовые шары подергивались. Светка даже не попыталась прикрыться, захлопала огромными ресницами.

— Павлик, она... она... — Направила на меня нананикюрный ноготь. — Она меня обижает.

Дрожа от гнева и боли, я стояла в прихожей и прижимала к груди (первый размер, ничего выдающегося) еще влажное полотенце. Я не знала, куда деваться, мозг отказывался работать, заиклившись на бесконечном воспроизведении обвинений Павлика, особенно на его последнем: «Я мужчина, и это естественно, что я хочу видеть рядом настоящую женщину, а не особь неопределенного пола».

Разве не он говорил, что любит меня? Разве не он говорил, что я лучшая? И что теперь? Как теперь?

Светка бочком-бочком перебралась в спальню, послышался тихий шепот, резкий ответ Павлика:

— Квартира в общей собственности, так что тебя выгонять она не вправе.

Руки задрожали. Эти слова Павлика, ситуация, мои чувства никак не уместались в сознании, отторгались, выжигали все внутри.

Этого просто не могло быть.

Не со мной.

Я же над анекдотами о том, как жена пришла с работы раньше времени, смеялась, и вдруг...

Вздрогнув, обнаружила себя в нашей уютной кухне с новым, солнечным, желтой расцветки, гарнитуром. Мы же вместе выбирали, Павлик обнимал меня за плечи, так почему сейчас...

Дыхание перехватило. Полотенце упало, я закрыла лицо руками. Чудовищная боль разрывала грудь. Я кричала, орала изо всех сил, но боль не проходила.

Восемь лет, мы были вместе восемь лет, пережили и подростковые закидоны, и учебу в институте, смерть моих родителей, болезни друг друга, проблемы с работой. И вот теперь, когда все наладилось, он просто променял меня на силиконовые сиськи.

Стеклянная дверь на кухню открылась.

— Что ты орешь? — недовольно произнес Павлик. — Сама виновата: надо звонить, если раньше с работы идешь. Ну что ты на меня так смотришь? Ты же не маленькая, должна понимать, что мужчинам иногда надо расслабляться, а женам — закрывать глаза, чтобы не увидеть лишнего.

Боль переполняла меня. А он говорил:

— На худой конец, могла тихонько уйти и подождать, пока мы закончим, и было бы все, как раньше, нормально.

— Нормально? — прошептала я. — Это, по-твоему, нормальный брак?

— А ты что думала? Или считаешь, Светик первая? — Павлик снова затянулся, выпустил дымное колечко. — Кстати, с сегодняшнего дня я не намерен скрывать, что курю. Так что привыкай. Ну и... пошла бы ты погуляла, обдумала ситуацию, успокоилась. — Он презрительно оглядел меня. — Платье бы себе купила.

И он закрыл дверь.

Зажмурившись, шумно вздохнула.

Боль схлынула, оставив пустоту, беспросветную и горькую.

Платье? Да ни за что. И терпеть такое отношение не буду. И никаких больше мужей!

Выйдя из кухни, хлопнула дверью. Стекло звонко посыпалось с нее, осколки ощутимо лупили по ногам, не в силах пробиться сквозь джинсы. Я двинулась в спальню за сундучком с документами. Развод. Я должна немедленно подать на развод! За стеклом двери в спальню мелькнуло лицо Павлика.

Руку полоснула боль. Я опустила глаза — с запястья капала кровь. Видимо, один из осколков задел, срезал несколько фенечек.

— Спятила? — рявкнул выглянувший из спальни Павлик. — Ты что устроила, дура?

Зажав рану, продолжила путь к заветному сундучку со свидетельством о браке, повторяя: «Никогда больше. Ни за что. Не выйду замуж».

За две минуты до этого где-то в другом мире

— Лавентин, не глупи! — Стоявшая за зеленым энергетическим барьером Сабельда казалась призраком.

Или утопленницей.

Да будь она проклята!

Плеснул еще вина в кубок из алого, с золотыми жилками хрусталия и безобразно выхлебал. В голове, и без того кружащейся, добавилось мути. Бутылка марочного вина в руке была непростительно легкой.

— Ла-вен-тин, — протянула Сабельда нежным, сладким голоском, от которого всегда сладко сжималось в груди (и сейчас сжималось, будь все проклято!). — Понимаю, ты на меня сердисься, но у тебя нет выбора.

Поднял взгляд на потолок лаборатории. На фоне встроенных светильников ярко выделялась парившая надо мной пятиконечная магическая печать. В ее почти пустом ободке осталось всего восемнадцать знаков силы. Один мигнул, и их осталось семнадцать.

Время уходило.

Не глядя, швырнул бутылку в натянутый в дверном проеме барьер. Звон послышался будто издалека. Вообще, кажется, вдобавок ко всему прочему у меня заложило уши.

В священном намерении прочистить ухо (что-то не припоминаю, когда мылся последний раз — наверное, перед балом, хотя вроде еще в реку падал, можно считать мытьем) ткнул мизинцем внутрь, и там обожгло болью, ощущение лопающейся перепонки прокатилось по телу.

«Ну не может быть», — уставился на руку с яркими зелено-голубыми когтями по десять сантиметров каждый.

Я же в трансформе.

В родовой трансформе, будь она неладна! Хорошо еще, что не глаз решил почесать.

— Лавентин, в который раз говорю: ты все не так понял.

Поднял взгляд на эту... эту змею. Сабельда покачивалась за магическим барьером. Вместе с лабораторией и полками с коллекцией эмбрионов в стазис-растворах. И вместе со столом, на который я опирался. И со стульями, и с другими столами, и с плакатами, и стеллажами книг. Основательно они так кружились.

Но как бы ни качалась моя голова, какая бы муть ее ни наполняла, даже всем сердцем желая поверить, я не верил, что шарившую под юбкой моей невесты руку моего кузена и их договоренность встретиться и снова приятно провести время, пока Сабельда якобы будет заказывать нижнее белье к свадьбе, можно понять как-то иначе, чем понял я. Ах да, Сабельда этого златовласого козла еще и целовала.

Вообще, у меня было много слов по этому поводу, катастрофически много, я даже указал на Сабельду пустым бокалом и хотел высказаться. Ну хотя бы половину высказать, потому что вторую половину еле ворочающийся язык высказать вряд ли мог.

Но, глядя на ее зеленоватое личико, вспомнил, что я, Хухун меня побери, длор, и не пристало длору употреблять такие слова. Благородно сдержавшись, стал отсеивать неприличные слова, в итоге остались только:

— Сабельда, ты... не... как... чтоб... и... и...

Не получалось разговора и честного выражения мнения. Поэтому достал еще бутылку из стоявшего на столе ящика. Откуда он тут взялся, ума не приложу. Впрочем, к уму не прикладывалось очень многое. Например, почему я в одних панталонах? Причем ярко-желтых, с кружевом и явно не моих.

— Лавентин! — Сабельда топнула прекрасной миниатюрной ножкой в очаровательной туфельке, на миг показавшейся из-под кринолиновых юбок.

Фуфун Великий, как же она прекрасна, изящна, женственна, как воздушны ее светлые локоны, как невинны огромные глаза. Сабельда указала пальчиком на что-то над моей головой.

Устало посмотрел вверх: знаков силы осталось всего пять.

Мама тоже нашла когда вмешаться. Вот кто ее дернул родовое проклятие активировать? Кто? Сабельда наверняка и дернула.

Заставил себя внимательно смотреть на печать проклятия. К сожалению, предки оставили за родителями право запускать брачные чары детей, и мама владела этим чудовищным инструментом. перевел мутный взгляд на активированные брачные браслеты.

Широкие, разомкнутые на три сантиметра кольца с путаным орнаментом сияли зелено-голубым светом. У меня осталось несколько минут, чтобы надеть их на избранницу, или родовая магия сочтет меня непригодным к наследованию и блабла (не помню, как там точно в инструкции), отсекая от управления источником магии.

Собрав волю в кулак, уставился на Сабельду.

Самое ужасное — я ее до сих пор любил. А она совершенно не испугалась моего гнева, и значит, после свадьбы будет принимать ухаживания другого. Вот ведь!.. Бутылка в моих руках разлетелась вдребезги, омывая когти сладким, резко пахнущим вином.

— Лавентин, я нужна тебе. — Сабельда подошла вплотную к щиту. — Сейчас ты сердиться, но, поверь, ты будешь счастлив со мной, а если откажешься от брака — сила предков покинет тебя и кем ты станешь? Подумай, какая жизнь тебя ждет. Обида из-за глупого недопонимания не стоит такой жертвы. — Ее голос дрогнул. — Ну же, Лавентин!

— Я поклялся на тебе не жениться. — Вытащил другую бутылку. — Перед всеми гостями! — Подцепив когтем пробку, выдернул. — Поклялся себе!

Пил, зажмурившись, заглушая волнами алкогольного дурмана рвавшую сердце боль. Ни одна женщина не заставляла меня чувствовать себя таким бессильным и ничтожным. Мерзкое-мерзкое ощущение, разъедающее душу сильнее, чем концентрированная кислота металл.

Через считанные мгновения жизнь превратится в кошмар. Я стану ничтожнейшим из существ — лишенным родовой магии длором. В голосе Сабельды звучал сладчайший мед:

— Но до этого ты обещал на мне жениться. Нет ничего странного в исполнении более старой клятвы. Так вернее! Разумнее, в конце концов.

Даже сквозь нахлынувший дурман я ощутил ее тревогу и страх. Хотелось подойти и обнять ее, но... Поморщившись, швырнул початую бутылку в барьер, и зеленый щит окрасился багрянцем вина.

А я схватился за голову. Когти путались в длинных волосах. Это ведь последние мгновения обладания магией.

А я... я... Оглядел любимую просторную лабораторию. Сфокусировать взгляд было так трудно, что я покрылся испариной. Но я должен смотреть сейчас, пока принадлежу роду, потом охранные чары меня отсюда вытолкнут. И я напряженно всматривался в любимые эмбриончики (даже если мне их отдадут, без магии нечего с ними делать), книги, столы с инструментами и алхимическими наборами. Полку с артефактами, плакат...

Снова уставился на полку с артефактами. Археологическое общество заказало исследование нескольких находок, среди которых ржавел большой прямоугольник порталного узла. Рядом лежал свиток — копия документа из недавно обнаружен-

ной древней библиотеки с инструкцией по открытию перехода в другой мир.

Гениальная идея озарила меня точно вспышкой молнии. Прямо-таки пронзила до глубины души!

Да, я поклялся не жениться на Сабельде, но сейчас браслеты примут любую жену, а иномирянку после церемонии можно отправить назад, из другого мира чары браслетов не дотянутся: я буду как бы женат и как бы свободен.

Шедеврально!

Ринулся к полке.

— Что ты делаешь? — В голосе Сабельды прорезалась тревога.

Ага, не хочет выгодного жениха терять! Ничего, прорвусь!

Ну или попытаюсь: руки и ноги действовали как-то неслаженно, в голове стало еще туманнее, я еле переводил закорючки мертвого языка, кое-как напиваясь магией узел — закрытый корпусом механизм из кристаллов-накопителей и колб с активным раствором.

— Лавентин!

От прикосновения Сабельды щит в дверном проеме заискрился, она вскрикнула и отступила. А я схватил трижды проклятые браслеты.

Развернулся к уже раскрывшемуся овалу портала, потрясенный тем, как легко на пьяную голову получилось его создать (впрочем, трезвым я до него не добрался). Только в эту дырку полметра высотой вряд ли кто влезет.

Так...

А как вытащить оттуда женщину?

Краем глаза заглянул в схему: ничего не понятно.

Уставился на ослепительно сверкавшие браслеты. В ранте зависшей над головой печати осталось два знака силы.

— Родовой дух! — Потряс браслетами. — Родовой дух, давай, помоги. — Задумался. Родовой дух не вызывали так давно, что общению с ним уже не учили. — Давай, найди мне жену. — Поднял глаза вверх: один знак мигнул, остался последний. — Такую, чтобы...

Не хотел я жениться (мороз по коже при мысли об этом). И с женой жить не собирался, так зачем какие-то требования? Я хочу жить свободно, заниматься своими делами, чудить и веселиться.

— Короче, вытащи оттуда кого-нибудь. Женского пола!

Я влил магию браслетов в портал — вот на собрании научного общества стариканы от удивления и зависти лопнут!

Овал значительно расширился, раскрылся коридор, при этом в моей лаборатории мерцал только плоский диск прохода, а сам темный, похожий на зев необработанной пещеры коридор тянулся далеко-далеко. Зелено-голубой поток магии устремился вглубь.

У меня замерло сердце.

Только бы получилось!

Оттуда летела рыжая клякса. Взглянул вверх: последний знак силы мигнул и пропал, пентаграмма стала медленно осыпаться искрами, они жгли кожу, браслеты в моих руках тяжелели.

— Эй, ты! — взвизгнула Сабельда.

Лихорадочно натянул ставший гибким браслет на свое запястье, холод отторгающей меня магии ожег до костей. От ужаса шевелились волосы, паника захлестывала. В меня врезалось тело.

Схватил тонкую руку, сжимавшую мятые листы, приложил второй браслет и надавил. Размягчившийся металл обхватил бледное запястье, в обоих браслетах мгновенно затянулись отверстия, подтверждая заключение брака.

Меня с новой силой захлестнуло родовой магией.

Ура!

Я сделал это!

И пока портал держался, толкнул рыжую в переход и с торжествующей улыбкой обернулся к Сабельде.

Даже через зеленоватый барьер было видно, как она побледнела.

— Ты, ты... — Ее губы дрожали. — Как ты мог?

— А вот так! — Помахал рукой в браслете. — Дорогая, я теперь мужчина официально женатый. Извините, ни минуты уделить вам не могу: мне надо срочно отпраздновать свою свадьбу.

Снова помахал ей рукой и направился к столу за бутылкой. Весь торжествующий внешне и трясущийся внутри. Ничего себе приключеньце!

— Ты... Ненавижу вас! — Подхватив кринолин, Сабельда умчалась прочь.

Хлопнула дверь на лестницу, отрезая цокот каблучков.

Воровато оглянулся: портал исчез, жены не наблюдалось. Браслет тоже молчал, хотя оставался замкнутым, как и полагается после заключения брака.

Уфф...

Надо же, пронесло — и как старший женатый мужчина всю магию рода теперь контролирую, и никакой жены! Это точно необходимо отметить.

Сердце сжалось: отметить то, что Сабельда никогда не станет моей по праву, никогда мне...

Так, никакой тоски по изменнице!

Ни за что!

Но вопреки желанию разума сердце разрывалось.

Махом выхлестал из горла целую бутылку. Только после этого пьяный туман достаточно заполнил мысли, чтобы притупить боль.

Браслет непривычно охлаждал кожу.

Свадьбу надо отметить.

Желательно в компании.

Подхватив ящик с вином, неровной походкой двинулся к выходу. Ноги не слушались, и я врезалась в дверной косяк. Щит я снял с пятого раза, назад не смог поставить и с седьмого.

Ну и Хуехун с ним!

В голове гудело. Я упорно брел к выходу из подземелья и снимал защитные чары.

ГЛАВА 2

Сжимая свидетельство о собственности на квартиру, доставшееся в потасовке за документы вместо свидетельства о регистрации брака, я стояла посередине стремного каменного тоннеля. Браслет, прицепленный всклокоченным алкашом (по запаху иначе не скажешь), охлаждал точно лед.

И что делать?

Закрыла глаза и досчитала до десяти.

Открыла.

Тоннель остался на месте.

Наверное, сон. Но на всякий случай пошла вперед — оттуда меня приволокло к алкашу, значит, дом там.

В конце тоннеля забрезжил свет. Приближался. Глянула вниз: рельсов нет, значит, не поезд. Машина? Да как у нее колеса не отвалились на таких колдобинах? Отойдя к стене, я пыталась разглядеть источник несущегося на меня света.

Это оказалась светящаяся мембрана.

Браслет вдруг разогрелся, я попыталась вдавиться в стену, потом побежала прочь от светящейся штуки, напомилавшей силовые поля тюремных камер в фантастических фильмах.

Споткнувшись, рухнула ничком. Ладони и колени обожгло. Сияющая мембрана поддала под зад и, притянув в мягкую сердцевину, потащила с собой, набирая скорость.

Несколько полных ужаса минут, вспышка света — и меня вышвырнуло в мрачную комнату. На каменном полу блестели осколки бутылок, пятна вина. Алкогольные пары резали глаза.

Посмотрела в сторону... И лучше бы не смотрела, заспиртованные пакости еще с уроков биологии терпеть не могла. Местные пакости расставляли явно с любовью: подогнаны по размеру и даже цвету. От маленьких к большим, а цветовые переходы вместе с блеском баночек создавали эффект волны. Тошнотворное ощущение.

Тряхнув головой, посмотрела на книги, реторты, врезные светильники под потолком.

А потом перевела взгляд на мятый, подтверждающий совместное владение квартирой документ в руке, скованной цельным браслетом цвета платины.

Вписанные имена владельцев — мое и Павлика — воскресили в памяти ужас произошедшего. Сглотнула, вспоминая: Павлик уговорил меня продать унаследованную трешку на окраине и, добавив процентов семь от стоимости (вычтя из полученных за трешку денег на ремонт нового жилья, обновление гардероба и отложив на поездку в Турцию), купил двушку в центре. Но ведь его целью, скорее всего, была не покупка удобно расположенного жилья, а приобретение совместной собственности, ведь так его семь процентов (если можно так сказать) превратились в пятьдесят.

— Дура. — Стукнула себя по лбу. — Дура-дура-дура.

Исподлобья глянула на жуткую коллекцию чего-то напоминающего эмбрионы и добавила:

— Сумасшедшая.

Браслет вдруг показался тяжелым. Я ведь фенечки люблю, а эта бандура жутко неудобная. И витой узор какой-то эльфийский, а меня от такого изящества трясло. После слов Павлика до зубовного скрежета хотелось надеть гриндерсы, джинсы мешковатые, майку с чем-нибудь страшным, косуху...

Вспомнилась Светка на Павлике, ее гигантские скачущие сиськи. В груди разрасталась колючая, холодная боль. Я вцепилась в волосы, дернула, стараясь отвлечься, но помогло на мгновение, а потом снова накатила мысль: Павлик мне изменил.

Просто Павлик Морозов, будь он неладен! Предатель, сволочь, гад ползучий, змей подколодный и прочее, прочее, про-

чее... Любимый. По сердцу опять будто полоснули ножом и стали вырезать его из груди.

Порывисто скомкала свидетельство, сжала крепко-крепко, концентрируя в нем всю ярость, боль, образ Светкиных сисек, болтающихся перед Павликом, и его самого, и... Руки опалило.

Охнув, отскочила, раскрывая ладони: на хрустящие осколки бутылок посыпался пепел документа. Недоуменно уставилась на него, на покрытые копотью руки, на мерцающий голубовато-зеленым браслет. Может, я вина нанюхалась до глюков? Вонь такая, хоть топор вешай.

Тряхнула головой, но видение не исчезло.

Надеюсь, это видение, не хочется бегать по конторам, восстанавливая свидетельство о собственности. Опять грудь наполнилась болью потери. Шумно вздохнув, огляделась: лаборатория-библиотека с коллекцией древних на вид штук вызывала только одно желание — смотаться отсюда скорее. В открытую дверь просматривался каменный коридор, словно в каком-нибудь монастыре «Золотого кольца». Мы ведь с Павликом в медовый месяц в тур по этому «кольцу» ездили...

Надо избавляться от тоски и воспоминаний. И лучший способ для этого — новые впечатления. Решительно хрустя осколками, направилась к двери. Коридор за ней переходил в лестницу наверх. Оттуда на ступени падал свет.

Как-то жутенько. Я словно к маньяку попала. Или в ток-шоу, где устраивают розыгрыши друзьям и родственникам. Если последнее — кого-нибудь, наверное, прибью, если первое — прибить надо обязательно.

И вроде верила, что это сон, но инстинктивно прижалась к стене и шла осторожно. Чуть выше блестели осколки бутылки, вина вокруг было разлито совсем немного. Если я у пьяного маньяка, увеличивается шанс спастись.

Изрядно ободренная этой мыслью (даже во сне или глюках не хочется попадать в лапы безумного садиста), поднялась к двери... в ярко освещенную спальню. С огромной кроватью под балдахином, резным секретером, кованым сундуком в изножье, пуфиком на ножках-лапах, ткаными синими обоями в серебряных узорах, тяжелыми портьерами, лепниной под потолком, расписанном полуголыми девицами.

Может, я с горя напилась и оказалась в музее? Только почему-то нет оградительных канатов. Неужели я снесла? Присмотрелась внимательнее. Я не эксперт, но вроде у нас подобные шикарные экспозиции есть только в Зимнем и Петергофе, и в тех чувствовалась разница между тонко проработанными

старыми вещами и аляповатыми восстановленными после войны частями, а здесь все одинаково изящно проработано и выглядит новым. Уж не в лапы ли олигарха я попала?

А что маньяк, что олигарх — выкинут трупик в реку и дело с концом.

С такими оптимистичными мыслями пробежала по роскошным коврам к резной двери и выглянула в коридор. Точнее, во тьму, в которой едва угадывались очертания коридора и огромного французского, от пола до потолка окна с приоткрытой дверью в озаренный звездами сад.

Тишина...

Случайно или нет, но мне давали сбежать. Хотелось мчаться без оглядки, но я заставила себя прокрасться вдоль стены к стеклянной двери. Ответвление коридора уходило в темную глубину дома. Холодный ветер сквозил по ногам.

Надеясь, что здесь не спускают собак, выглянула: чистый запах ночного сада. Никаких выхлопных газов и прочей мерзости. В тусклом свете звезд серебрились листья фигурных кустарников. В совсем негородской тишине свирители птички. Посыпанные гравием дорожки, журчание фонтанов... Идиллия, в общем. Если не считать того, что я здесь.

И драпанула я вдоль хрусткой гравийной дорожки в темноту, мимо кустов и статуй, мимо фонтанов и...

Передо мной возникло двухметровое пятно мрака. Затормозив, я покачнулась и врезалась во что-то мягкое. Охнула, ощущая препятствие — стог совсем свежей, еще не подсохшей травы. И пах он приятно, травка нежная, шелковистая, так бы и тискала — запустила в нее пальцы и сжала. Стог замычал и затрясся, обхватывая меня лапищами. Меня! Схватил! Стог!

— А-а-а! — заверещала я.

— А-а-а! — Стог перемахнул через ближайшие кусты и помчался прочь, сшибая статуи.

Легко так сшибал, как пушинки.

— А-а-а... — тихо протянула я и побежала дальше: вдруг стог за помощью рванул?

Это хорошо, что я секцию не забросила и иногда бегаю по утрам — сад оказался гигантским.

А в конце ждала белая стена метров трех в высоту, и я со своим метром с кепкой почувствовала себя ну очень запертой в этом странном месте. По привычке делая после бега растяжку, я поглядывала то на недоступный высокий край стены, то по сторонам. Привычное упражнение успокаивало, но ситуация казалась безвыходной.

А выбраться хотелось.

Надеясь обнаружить лазейку, побежала вдоль стены, прислушиваясь и поглядывая на серебрившиеся в свете звезд кусты и статуи (девы, мужчины, змеи драконистые, что-то кошкоподобное и медведеобразное). Чуть не врезалась в дерево. Странно, что раньше его не заметила. Оно выбивалось из общего ансамбля упорядоченности: стояло так близко к стене, что ветки свешивались на другую сторону, прямо-таки приманивая злоумышленников забраться внутрь, а несчастную жертву в лице меня вылезти наружу.

А с Павликом мы тоже по деревьям лазили... Тряхнув головой, полезла вверх, благо на мощном стволе имелись удобные выступы. Кора у дерева была удивительно гладкой, но рану на запястье растревожила, ее дергало и жгло, а чужой браслет на другой руке стал тяжеленным, напомнив о Кольце Всевластья с таким же свойством менять вес.

Надеюсь, этот браслет ни к чему противоестественному и опасному склонять не станет, а темные властелины обойдут меня стороной.

Радуюсь своему миниатюрному сложению, проползла по тянувшейся за стену ветке и глянула вниз. В ноздри ударил слабый запах дыма, пространство за стеной покрывал туман, в нем торчали деревья, вдалеке — готические контуры очерченных звездным светом строений. Ощущение, что я угодила в какой-нибудь ужастик с маленьким городком и заброшенной психбольницей в старинном жутком особняке.

Свесившись со стены, ухватилась за ветку. Та сильно прогнулась вниз, будто у дерева был не мощный, а гибкий тонкий ствол, накренившийся под моим весом. Или будто ветка удлинилась. До земли оставалось всего ничего. Под ногами влажно чмокнуло, и кроссовки стало затягивать в жижу.

— Ну что за... — Рванулась в сторону, ноги поехали по грязи.

Едва удержалась, шагнула — и с облегчением ощутила под стопой камень дорожки.

Ворота родного имени немного двоились. Голову переполнял пьяный дурман и умные мысли. Выглядел я весьма помято, но неподходящий внешний вид не помеха для истинного ученого, желающего донести окружающим свое открытие.

А то, что все качается и я снова на четвереньках, тоже преодолимые мелочи — длор я или не длор?

Длор. Поэтому встал, приложил ладони к створкам и даже удержался, когда они поползли в стороны. Я ввалился в чистый воздух под защитным куполом родового поместья.

Свадьба подождет, куда важнее, что я первый за полтысячелетия смог открыть портал в другой мир. Об этом нужно срочно оповестить научное сообщество! И службу безопасности. И еще запатентовать способ полномочного возглавления рода.

Запатентовать и никому не давать пользоваться, чтобы оставаться единственным главой, которому не надо делиться силой с супругой. Уже представляю заголовки утренних газет. Нет, газеты — пустяк. Куда приятнее завистливые взгляды глав, женившихся ради этой власти.

Пошатываясь, двинулся к двоившемуся и вообще смутно видимому в темноте парадному крыльцу. Портальный узел надо забрать для демонстрации коллегам (главное, жену на демонстрации случайно не вытащить). Центральная дорога из мраморных плит самым подлым образом пыталась уползти из-под ног. Ничего, скоро наведу здесь порядок, я же глава. И самое прекрасное: никто не будет мешать советами, спорить о цвете обоев и мебели. Кра-со-та!

Только почему-то мне плохо.

И в проткнутое ухо будто кто-то дул. Накрыл его ладонью. Дорожка опять попыталась уползти. В темноте сада слышался истошный крик, дребезг, хруст. Я развернулся на звук и чуть не столкнулся с чем-то бежавшим мимо. Это оно орало. Просто я его, похоже, плохо слышал.

— Стоять! — Я пошатнулся. — И свет!

По бокам дорожки загорелись два гриба-светильника, отчего тьма вокруг нас сгустилась. Вопли и грохот сменились невнятными всхлипываниями. На дорожке обильно зеленели выдранные травинки. Или выпавшие.

— Ко мне! — велел я хныкающей темноте.

В ней появились смутные очертания двухметрового вертикального бревна. Двоясь, оно медленно выползло на свет, отразившийся в огромных, как тарелки, глазах. В этих несчастнейших глазищах стояли слезы. На тощем, древесного цвета теле вместо огромной копны торчало несколько клочков травы, словно Дуся не трехсотлетний дух, а новорожденный.

Кто оципал моего саддуха? Кто этот урод, позарившийся на святое?

Как злодеи смогли пробраться в мой дом? А, я же сам его открытым оставил.

— Кто посмел? — Пытался разглядеть Дусю: кажется, сад-дух был чем-то измазан.

Дуся затрясся тощим тельцем и, лихорадочно указывая в сторону, попискивал и похныкивал. К сожалению, говорить хранители садов не умели. Но подозреваемых в этом издевательстве над исчезающим видом немного: соседи из разбогатевших коммерсантов.

Да, точно эти! Без родовой магии завести саддухов сами они не могли, вот и обращались к длорам, находящимся в затруднительном положении. Даже ко мне пару раз, уж больно им Дуся статью приглянулся: двухметровый, травянистый, с целый стог сена... был.

— Изверги! — Сердце наполнилось жаждой праведной мести. Я стукнул кулаком в грудь. — Лично злодеев ошципаю.

Но где их искать?

А ведь дочка коммерсантов Сомсамычевых, живших через два имения от моего, пыталась подергать Дусю за травяную шкурку. Когда я запретил, объяснив, что саддухи от прикосновений незнакомых людей нервничают и лысеют, девочка (десять лет ей, не ожидал такой несознательности) разрыдалась, родители вопили: «Это же ребенок!» И, кажется, смертельно обиделись, что я не дал их чаду трогать Дусю. Неужели это их месть?

Похныкивая, Дуся указывал трехпалой лапой в темноту. Коварные злоумышленники еще здесь? Тогда я с ними разберусь.

Закатывая рукава, решительно направился во тьму.

Споткнулся обо что-то.

Еще более решительно выкорчевал гриб-светильник и, выставив перед собой, пошел разбираться со злодеями.

Свет выхватил из тьмы осколки чего-то белого, руки, ноги. Не сразу сообразил, что это статую так размолотили. Кусты вокруг остались целыми, только белой пылью припорошены. А на низенькой травке газона — пучки длинных травинок.

Сердце заныло. Скомкав на груди рубашку, развернулся к Дусе и восхищенно произнес:

— Ты сопротивлялся до последнего!

Из Дусиных глазиц размером с тарелки закапали слезы. Он отчаянно закивал.

— Бедный мой малыш. — Я отложил гриб, обнял похожее на бревно тело, которому едва доставал до груди, похлопал по узкой спине. — Не бойся, больше я тебя в обиду не дам.

Дуся растроганно поскуливал. Еще раз его похлопав, я высвободился из жестких объятий и подхватил гриб. И чем глубже заходил в парк, тем трезвее становился: да тут случилось настоящее побоище! Дуся бегал вокруг дома и отбивался от преследователей. Я знал, что садухи сильны, но не думал, что настолько. Особенно мой — он отличался тонкой душевной организацией, нервозностью и миролюбием.

Утешало то, что в погоне за несчастным Дусей злодеи разнесли понатыканные мамой уродливые статуи, от которых я не мог избавиться, все же мамин подарок. Хоть какая-то польза от злодеев! Я довольно усмехнулся. Руки потереть мешал гриб.

Всучил гриб Дусе и удовлетворенно потер ладони: жизнь налаживается.

Жаль, нападавших в саду уже не было. Но через трехметровую стену без подручных средств не перебраться. Похоже, злоумышленники основательно подготовились и выжидали удобный момент, караулили. Ведь не было меня от силы полчаса, а они успели столько натворить, и неизвестно, что еще сделали бы, не окажись Дуся таким героем. Эх, вернись я минут на десять раньше, я бы им, я бы их... Ух!

Но не вернулся, и теперь некого ухать.

Восстановив защитные чары, я оказался перед сложным выбором: отправиться в клуб ученых мужей хвастаться порталом или ловить обидчиков Дуси?

«Туманный Альбион, блин, какой-то», — подумала я, в очередной раз споткнувшись в крошечном тумане. Бродила часа два, ноги уже гудели, но так и не поняла, повезло мне или не очень.

Похоже, меня привезли в коттеджный поселок, если можно жалкими коттеджами назвать огромные дома, силуэты которых проглядывали над трехметровыми стенами. Судя по туману, он возле реки, а где-то недалеко горели торфяники (это судя по запаху дыма).

Если территория огорожена, мне, скорее всего, капец: похитивший меня олигарх (кто-нибудь может объяснить, зачем я ему?) наверняка проинструктировал охрану, чтобы меня не выпускали.

Если с территории есть беспрепятственный выход в лес или на реку — может, спасусь. Вряд ли богатеи построили такой роскошный поселок в тайге, для южных регионов тут слишком прохладно, вероятнее всего, мы где-нибудь возле Москвы.

Послышался скрежет-цокот. Я застыла, сердце своим гулом пыталось заглушить страшный звук, но тот приближался. Усиливался. Двигался на меня.

Вытянув руки, побрела в сторону. В тумане затеплился голубой свет. Пейзаж приобрел еще более потусторонний вид. Резко захотелось драпануть, но под ногами захлюпала грязь. И браслет потяжелел. Даже не потяжелел, потянул в сторону, и рука приподнялась.

Пока я гадала: это меня зацепили ниткой и тянут или в браслете магнит и меня тянет к другому магниту (или все это затянувшийся сон), из тумана показалась пара запряженных динозавров и голубой фонарь на двухколесном закрытом кебе без кучера.

Они остановились. Натурально динозавры.

Несмотря на прикрывавшую их дымку тумана, было видно, что это не наряженные лошади (да и не могут лошади так долго ходить на задних ногах) или люди, а самые настоящие двухметровые ящеры.

Обнимающийся стог, вернись, я на все согласная!

Кажется, сердце перестало биться. Две взнузданные морды повернулись ко мне, голубой свет блестел на чешуйчатых макушках и приноживающихся ноздрях.

Динозавры открыли зубастые пасти. И зубы не плоские, как у травоядных, а острые, хищные. Какой идиот ездит на хищниках? Нервно сглотнула.

«Они теплокровные, тут холодно, но они бегают, а значит, это не по-настоящему», — утешилась я, но, присмотревшись, поняла: ящеры в теплых облегающих комбинезонах.

Динозавры смотрели на меня, я на них, и ноги предательски слабели.

Мой мир рушился.

Я не в поселок олигархов попала, а на секретную научную базу, где оживили динозавров и впрягли в кеб. И меня никогда-никогда отсюда не выпустят.

Резко захотелось к Павлику и Светке: лучше ее силиконовые сиськи, чем эти плотоядно взирающие на меня морды. Конечно, на динозаврах сбруя, но вряд ли она помешает меня жевать.

Дверца кеба отворилась, выглянул ослепительно красивый мужчина с зелеными волосами, в нарочитом беспорядке лежавшими на плечах. Именно ослепительно красивый — даже в ярко-голубом свете, в котором он был похож на покойника или

русала. Он так уставился на браслет, словно я его из Лувра сперла.

Мужчина вылез. Одет он был в зеленоватую блестящую одежду, по фасону — в стиле денди девятнадцатого века, и явно с иголки. В петлице фрака чернел незнакомый цветок. В общем, очень настораживающая внешность, особенно если ты одинокая девушка в незнакомом месте.

И смотрел мужчина на меня так странно. Ошарашенно, я бы сказала. Морщился и гримасничал, словно не понимал, что перед собой видит (сюда, наверное, посторонних не пускали).

Настораживающий красавчик раскрыл симпатичный рот — и выдал невнятную руладу из твякающих, вякающих и тягучих звуков.

Иностранец? Пришлось честно сознаться:

— Не поняла.

Он затыкал и замыкал с новой силой. В долгой невнятной речи я разобрала только слово, похожее на «дрель». Причем произносил он его, прижимая ладонь к груди.

— Тебя Дрель зовут? — осторожно предположила я.

Мужчина поморщился и, постукивая себя в грудь, снова начал о дрелях или длерях, или длорах (в общем, язык сломаешь, проще — дрель). Зеленоватая голубоватость придавала ему угрожающий потусторонний вид. И похрюкивания расположения не вызывали.

Он шагнул ко мне — я назад.

Он улыбнулся — я показала кулак.

У него взлетели брови и округлился рот. В окошко дверцы за его спиной выглянула женская зелено-голубая головка с припухшим лицом и что-то прохрюкала.

— Сабле — да! — ну или как-то так воскликнул Дрель.

Заплаканная девушка (подозреваю, что заплаканная: в голубом свете кожа вокруг глаз казалась синевато-лиловой, почти как фингалы) отозвалась недовольным твяканьем. Дрель снова обозвал ее саблей и, отойдя в сторону, указал на мой браслет.

Рванувшись наружу, Сабля замерла в проеме и, странно склонившись, стала бить кулаком по стенке кеба. Динозавры переминались с лапы на лапу.

— Сабле — да, Сабле — да, Сабле — да, — закудахтал Дрель и бросился к ней.

Отличная возможность сбежать, но у меня ныли ноги, кругом туман, за два часа блужданий я не видела ни одного узкого

прохода, а динозавры казались достаточно быстрыми, чтобы догнать меня по широкой улице.

Дрель дернул Саблю, что-то затрещало, она выскользнула из кеба, раскрывая синие крылья. Оба шлепнулись в грязь, и я поняла: у Сабли не крылья, а просто разложился каркас платья. В колоколе подола и пене кружев дергались ноги. И выглядело это так безобидно, и Дрель так воодушевленно повторял: «Сабле — да, Сабле — да», что защекотало в груди, живот задергался в спазмах, и я, расхохотавшись, сложилась пополам.

Истерический смех захватил меня на пару мгновений. Утирая слезу и разгибаясь, уловила движение. Резко выпрямилась: Сабля и Дрель уже стояли на ногах. Он чуть в стороне, но о нем я забыла, увидев глаза оказавшейся передо мной Сабли: в них пылала такая жгучая ненависть, что я от неожиданности икнула.

Ее рука метнулась к декольте, выхватывая что-то холодно сверкнувшее — кинжал взвился для удара. Чисто на рефлекс влепила ей двоечку. Как в замедленной съемке видела мутнеющий взгляд, запрокидывающееся тело, выпадающий из руки кинжал.

Пусть сложные приемы в секции кикбоксинга я так и не освоила, но двоечку — удар левой-правой — наработала так, что тренер хвалил.

Сабля упала, верхняя юбка стояла колом, показывая кружевные нижние юбки. У Дрели глаза на лоб вылезли. Он смотрел на нее, на меня, на нее, на меня... И даже за голову схватился: — Сабле — да?!

Снова безумно уставился на меня.

Динозавры тоже смотрели на меня. Фонарь на карете вдруг разгорелся ярче, и в отразивших свет глазах Дрели будто вспыхнул огонь.

ГЛАВА 3

«Я не вредный, я не вредный. Но Дуся должен быть отпущен», — повторял я, в двенадцатый раз раскручивая привязанный к веревке антикварный якорь и забрасывая на трехметровую стену, окружавшую имение коммерсантов Сомсамычевых. Вот зачем эти... без мощной родовой магии живущие покупают дома, которые не могут защитить?

Бздинь! Якорь остался наверху, я радостно дернул веревку. В лоб что-то ударило. Потемнело вокруг. Спине стало холодно

и жестко, а вокруг все стало белое-белое, словно я оказался в облаке... потому что лежал на холодной мостовой. И лоб раскалывался.

«Пить надо меньше», — подумалось вдруг, хотя куда уж меньше, и так первый раз по-настоящему напился. Правда, продолжаю неделю, но ведь первый раз. Без перерыва. Поэтому один раз. В общем, можно считать, что я вовсе не пью...

А спине холодно.

И за облысение Дуси надо отомстить, а то понаехали коммерсанты всякие на наш длорный остров, еще и честных саддухов пугают.

Не прощу!

Поднялся покачиваясь. Кругом туман, якоря не видно, веревка потерялась. Эх, не хотел следы родовой магии оставлять! И не буду. Опустившись на четвереньки (жуткий туман, будто живой), нащупал конец веревки и дернул.

Из тумана взвилась тьма, распахнула метровую пасть и тоненько пронзительно взвыла:

— Йаа-йаа-йаа-йаа!

Осторожно отпустил веревку, оказавшуюся хвостом. Тихо, но уверенно произнес:

— Извините. Обознался. Больше не повторится.

Пасть шумно захлопнулась. Не такие уж эти коммерсанты беззащитные, вон духов бездны покупают. Черная тварь пошевеливала ноздрями — на морде при закрытой пасти больше ничего не просматривалось.

Махнув рукой на неподдающуюся стену, как бы между прочим осведомился:

— Сомсамычевых охраняете?

Громадная черная голова качнулась из стороны в сторону, из тумана высунулась ложноножка и ткнула в дом напротив, принадлежавший семье Какики. Я удивленно вскинул брови: с каких это пор благородные длоры вместо того, чтобы положить на великую магию, нанимают подобных существ?

Впрочем, сейчас не до странного выбора соседей. Указал на дом Сомсамычевых и обворожительно улыбнулся:

— Подбросите?

Не знаю, то ли я даже в ночной тьме сразил духа бездны ослепительной улыбкой, то ли мне добрый дух попался, но он схватил меня поперек туловища и швырнул через стену. Вмазался я в кучу. Больно... Опомнившись, сложил ладони рупором и тихо позвал:

— Дух, ду-у-ух....

— Йаа-йаа?

— Там рюкзак еще.

Что-то свистнуло. По голове треснули тяжелым.

Падая в обморок, понял: «Засекли...»

Туман-туман-туман... Везде он. Замерла, прислушалась: вроде тихо. Честно думала, Дрель меня убьет, но Сабля стала барахтаться в перевернутом платье и голосить, Дрель закудахтал о дрелях и дрельках. А я, оценив открывшиеся пасти динозавров, просто сбежала.

Динозавры... Живые. Теперь, когда схлынул адреналин, захотелось присесть и поплакать.

— Ди-но-зав-ры, — прошептала густой молочной белизне вокруг. — Тут водятся динозавры.

Туман молчал. И на том спасибо.

Зябко ежась, двинулась в туманную неизвестность. Одежда была влажная и противная, такими темпами станется воспаление легких подхватить.

Потирая предплечья и пританцовывая, пыталась понять, что же со мной случилось.

Я помнила драку за документы, визг Светки «только по лицу не бей», тоннель, алкаша с растрепанными темными волосами то ли в ленточках, то ли с зелено-голубым мелированием, светящуюся мембрану из фантастических фильмов... Нет, правдой это быть не может (кроме мелированного лохмача — в отношении мужчин, наверное, больше ничему не удивлюсь).

Как же я сюда попала из своей квартиры? Самое логичное предположение: пошла и вопреки всем принципам залила горе аж до амнезии... Только похмелья нет. Еще меня могли опоить, некоторые препараты нарушают какой-то там процесс записи информации в мозге, поэтому события, случившиеся ранее, могут забыться. Еще потеря памяти бывает от ударов по голове. Правда, голова у меня тоже не болела.

Но запряженных в кеб динозавров это не объясняло.

Нет, если бы просто динозавры явились, можно было бы списать их появление на разлом времени, о таких порой пишут в желтой прессе: мол, сколько-то там человек появились из энного года молодыми и обескураженными, но злые спецслужбы погрузили путешественников во времени в воронки и увезли в неизвестном направлении.

Может, я попала в будущее, где генные инженеры восстановили или заново смоделировали динозавров? Или еще проще: роботы. Ну конечно! У страха глаза велики, наверняка мне

только померещилось, что они живые, а так это роботы. Будущее, высокие технологии... Тогда почему здесь так банально воняет дымом?

Даже не банально, а как-то опасно уже, будто рядом пожар.

Огляделась: небо слегка посветлело, но без красных сполохов. Вокруг, среди плотного тумана, больше не просматривались готические силуэты домов.

Ощутила себя в ужастике по Стивену Кингу. Того гляди кто-нибудь из тумана набросится... Прокрутилась вокруг своей оси, казалось, неподалеку звучат шаги.

Точно шаги.

Кто-то бродил вокруг. Цокал по каменной мостовой когтями. Браслет опять стремительно тяжелеет.

— Йаа-йаа...

Я взвизгнула.

Со спины надвинулось что-то темное, огромное. Сердце ухнуло в пятки, оттуда поддало адреналином, и я сорвалась на бег. Ноги взвыли от напряжения. Я бежала вслепую, выставив вперед руки и молясь, чтобы на пути не оказалась стена или машина, а вслед пронзительно неслось:

— Йаа-йаа-йаа!

Голова гудела и болела так, словно наковальню на нее уронили. Раза два. И лежать неудобно. Как-то мокро. Подо мной что-то скользко-шелковистое, на цветы измятые похожее. В саду я, что ли? С трудом разлепил веки: небо ночное, светлеющее, стена рядом... Дымом попахивает. И на руке что-то мешается, греет.

Воспоминания набросились с жестокостью оголодавших ящеров.

Я женат.

Сомсамычевы ощипали Дусю.

Надо в патентное бюро попасть до того, как Сабельда всем растрезвонит о моем суперспособе заключения брака.

Я женат...

— Йаа-йаа-йаа. — Черная пасть свесилась со стены. — Йаа.

Дух бездны перекинул через нее с десяток ложноножек, заставил их фосфоресцировать, перекрутил их (получилось нечто вроде человечка) и стал подергивать, будто человечек идет. Немного пошагав, человечек замер, огляделся и побежал, размахивая руками.

— Йааа, — протянул дух и еще одной ложноножкой указал на меня.

— Мм, — обозначил свое внимание.

Морщась от боли, пощупал макушку: шишка выпирала знатно. И вся великая магия бессильна, когда тебе просто бьют по голове.

Дух снова задергал ложноножками, изображая, как человек сначала идет, а потом убегает.

— У вас талант. — Сел. Рядом лежал мой рюкзак. — В кукольный театр устроиться не пытались?

— Йаа.

Голова раскалывалась, а подлечиться нельзя: след магии здесь оставлю.

Дух добавил еще ложноножек. Так появился второй человек, более массивный. Подержавшись с первым за руку, большой человек упал. А маленький, у которого благодаря дополнительной ложноножке выросли груди, снова пошел, а потом побежал.

— Очень увлекательно, — кивнул я и запустил руки в рюкзак. Ощупал подарочки Сомсамычевым: целехоньки.

— Йаа, — как-то печально отозвался дух.

Снова его фосфоресцирующие человечки из ложноножек подержались за руки, потом большого по голове треснула ложноножка, и он упал. А второй, с грудями, пошел дальше. За его спиной появилось скопище ложноножек, и он (вернее — она), размахивая ручками, убежала.

Ткнув в меня ложноножкой, дух шевелил ноздрями и чего-то ждал.

— Кукольный театр расположен на улице Глор, думаю, вам там будут рады. — Я надел рюкзак спереди на грудь.

— Йаа. — Дух снова начал показывать пантомиму, активно указывая на меня свободной ложноножкой.

Поднявшись, я снова улыбнулся:

— Подождите здесь, пожалуйста. Как закончу, обязательно посмотрю ваше представление внимательно.

Издав подобие тяжкого вздоха с подвыванием, мой билет на другую сторону повис на стене. А я двинулся вглубь сада, щедро разбрасывая металлические капсулы, которыми был до отказа набит мой рюкзак.

Сомсамычевы хотели роскошный сад, волшебной растительности, удивительного на своей земле — они это все получают.

А потом уже в патентное бюро поеду.

Опять зажмурилась, досчитала до десяти, открыла глаза.

Город был на месте.

Человеческий разум обладает уникальной способностью к самообману.

Мой эту способность исчерпал.

Нет, он, конечно, пытался это как-то объяснить, но...

С высоты смотровой башни на мосту я разглядывала город в розовой дымке тумана и пыталась убедить себя, что это какой-нибудь европейский городок косит под старину.

Не получалось.

Дело было не только в отсутствии неоновых витрин и малейшего намека на телефонные будки или электричество, которые могли маскировать ради аутентичного вида или я могла не заметить из-за проклятого тумана.

Восходящее солнце высветило полотно, составленное из кирпичных и деревянных зданий от двух до пяти этажей, прошитое улочками и широкой лентой затуманенной реки. Кое-где над домами торчали шпили, но не было ни одной настоящей высотки.

Тысячи печных труб исторгали вонючий дым.

Тысячи труб обычного печного отопления. В каждом доме. До горизонта.

По улицам, несмотря на ранний час, сновали телеги и экипажи, запряженные мохнатыми рогатыми подобиями буйволов и динозаврами — эти, в отличие от кативших ночной кеб, передвигались на четырех ногах.

Даже самые бедные на вид женщины ходили в платьях до земли.

По ту сторону моста мальчик лет десяти чистил ботинки мужчине во фраке и остроконечном колпаке. Получив монетку, подхватил свой ящик и бросился под ноги другому прилично одетому мужчине и к следующему, пока не нашел того, кто позволил начистить свою обувь.

Пальцы, которыми я сжимала кованые перила смотровой площадки, ооченели, но разжать их я не могла.

В очередной раз зажмурилась, досчитала до десяти, открыла глаза.

Город по-прежнему расстилался внизу.

Как и огромный тринадцатипролетный мост через реку тумана, на который я набрела после долгих блужданий.

Между двенадцатью пролетами располагались каменные оскалившиеся химеры в броне, а на третьем от противоположного берега пролете возвышалась башня со смотровой площадкой наверху.

На этой-то площадке меня и накрыло осознание, что все плохо.

Вряд ли на просторах моей необъятной родины существует подобный город.

До меня доносились обрывки твякяюще-мявкяющей чужой речи.

Прилетел запах пирожков. В животе заурчало. Показалось, что желудок приклеивается к позвоночнику, и я очнулась от оцепенения.

Где бы я ни находилась, мне нужно поесть. Высушить одежду (удивительно, что в своей, влажной от тумана и пота, я еще не окоченела). Обратиться за помощью в правоохранительные органы. Желудок резало от голода, но лучше начать с обращения к официальным властям.

Браслет на руке потяжелел. Я вновь ощупала его в поисках скрытого замка. Но украшение не желало выдавать свою тайну. Я с ненавистью посмотрела на затянутую туманом сторону, с которой еле выбралась. В белой дымке что-то двигалось, быстро приближаясь к мосту.

Покачиваясь в двуколке, я никак не мог отделаться от сладких фантазий о борьбе безмагих Сомсамычевых с моими волшебными подарками, хотя пора уже было готовить речь для научного собрания.

Впереди замаячил тринадцатипролетный мост с острова длоров к городу. Солнце подкрасило розовым светом слюдяное покрытие Башни злых духов. Она красиво блестела, невольно приковывая взор.

И так вдруг захотелось, как в сопливом детстве, забраться на смотровую площадку на самом верху и окинуть взглядом столицу, Великое озеро и поднятый с его дна остров. Когда был ребенком, казалось, что земля внизу — чудо, полное загадок, оставленных первыми главами родов самым любопытным и упорным потомкам. А сейчас остров длоров воспринимается просто самым элитным районом... в который понаехали всякие коммерсанты.

Сплюнув, стегнул ониксовую химеру вожжами, она быстрее стала перебирать шестью когтистыми лапами, гордо вскинула восьмиглазую рогатую голову и оскалила зубы. Когти зацокали по магическому покрытию моста.

Я лениво скользил взглядом по окаменевшим химерам-стражам в пролетах: моя выглядела страшнее. Но это естественно, первые главы рода делали просто охранников с удобны-

ми шипами, когтями, хвостами и прочим, а я уже старался их по внешнему эффекту превзойти, брал лучшее, добавлял еще более лучшее. И химера у меня получилась такая, что несколько человек, столкнувшись с ней в ночном тумане, даже описались.

Правда, если вдруг подражаться надо, моя химера путалась в лапах и длинных когтях. Но ведь пугала!

В груди появилось тянущее ощущение, будто на меня кто-то смотрит. Поднял глаза на надвигающуюся Башню злых духов. У перил смотровой площадки что-то шевельнулось. Я отвел взгляд, невольно улыбаясь, — сам был молодым, лазил туда, хотя родители запрещали.

Подъезжая к зеву башенной арки, накинул магический щит и придержал химеру: я в детстве обливал проезжающих водой, а то и краской.

Меры предосторожности оказались напрасными, сверху ничего не сбросили. Может, там даже не мальчишка, а какой-нибудь проснувшийся злой дух.

Когда я уже съезжал с моста, на башне душераздирающе завопили. Точно дух!

Обхватив себя руками, я брела по набережной и весело напевала:

— Я сошла с ума, я сошла с ума! Мне нужно домой. Мне нужно домой. Я сошла с ума. Я сошла с ума...

Идиотская песня уходит из головы не желала. Впрочем, она лучше воспоминаний об алом призраке, выскочившим на меня из пола смотровой площадки. И ладно бы просто выскочил: заорал так, что я сиганула в воду. Повезло, что глубины хватило не покалечиться и берег рядом.

И браслет. Опасливо посмотрела на него и почесала кожу вокруг. Когда оказалась в ледяной воде, он стал теплым, и вслед за ним потеплела вода, течение подхватило меня, вытолкнуло наверх. Пришлось сделать всего пару гребков, и я оказалась у схода набережной под мостом.

Или мне все это почудилось с перепуга?

Я уже ни в чем не уверена. Даже в том, что сейчас, несмотря на мокрую одежду, мне тепло.

Маленький чистильщик обуви, увидев, как я поднимаюсь по сходу, оставляя после себя лужи речной воды, уставился на меня, словно на призрак.

Собственно, на меня все смотрели так.

В общем-то, понимаю: одевались здесь в стиле века так девятнадцатого, и тут вся такая красивая я: джинсы, майка, кроссовки. Волосы лохматые. Как бы первыми официальными властями, с которыми я близко познакомлюсь, работники сумасшедшего дома не оказались.

Вспомнила, как с сумасшедшими обращались в том же девятнадцатом веке. Лучше пусть сразу пристрелят.

Опять запахло пирожками, желудок заныл. Огляделась: злополучная башня моста уже скрылась за домами. Удивительно, вроде на голодный желудок (только воду из колонки пила, стараясь не думать о холере) намотала уже километров двадцать, а до сих пор бодрячком. И после всех блужданий и купаний даже горло не болело. И температуры, кажется, нет.

А прохожие все косились. Пусть я не понимала их речи, но язык жестов и мимика подсказывали, что они удивлены, шокированы, разгневаны. Особенно женщины, их прямо передергивало от моего вида. Они краснели, бледнели, показывали на меня пальцами. Ну просто как старушки у моего старого дома. Мне широкие и явно неудобные подола их платьев тоже против шерсти, но я же не кривилась.

Хорошо еще, что даже самые разгневанные не осмеливались подойти. Они и недовольство выражать в лицо не решались: кучковались и перешептывались друг с другом. Спорили.

Некоторые увязались следом, точно волки за раненой добычей.

Всеобщее внимание привлекал браслет. Смотрели на него как-то... Словно на бриллиантовое ожерелье на оборванной нищенке, и эти взгляды пугали. Если на меня нападет несколько человек, никакая двочка не спасет. А браслет-то не снимается... За руку стало откровенно боязно.

Но как спрятать браслет, если у майки рукава короткие? Денег купить что-нибудь для маскировки не было, лопухов или иных похожих по размеру листьев поблизости не росло.

Оглядываясь в поисках хоть какого-то прикрытия для браслета, заметила на углу пухленького торговца пирожками. А еще у мужчины была бумага, в которую он свои жирные сочные пирожки заворачивал для чинных покупателей.

Пирожки...

Желудок бился в конвульсиях, слюна чуть не капала. Выложенные на раскладном прилавке пирожки манили. Даже не заметила, как сделала несколько шагов в их сторону и протянула руку с браслетом. На пальце блеснуло обручальное кольцо.

Золотое!

Стянув его, рванулась к вытаращившемуся торговцу.

— Пирожки! Пирожков мне! — отчаянно повторяла я, указывая на пирожки и протягивая кольцо: должен же мужик понять, что я предлагаю натуральный обмен.

Но он только пялился. Осторожно через прилавок глянул на мои джинсы и снова на руки.

А затем взял несколько умопомрачительных, убийственно вкусно пахших пирожков, завернул их в большой лист бумаги и протянул мне. Схватив сокровище трясущейся рукой, прижав к груди, я протянула кольцо. Мужчина замотал головой и замахал руками. Попробовала предложить снова — ни в какую.

Неужели проникая моим несчастным видом?

— Спасибо, — выдохнула я и, рефлекторно напялив кольцо на палец, побрела прочь.

Руки так тряслись, что пирожки едва не вывалились.

А вкус... У них был непередаваемый вкус. Они оказались с чем-то вроде капусты, но черного цвета, и такие, что я пальцы прикусывала.

Севшая на хвост толпа человек в тридцать напрягала. Тем более район, до которого я добрела по набережной, выглядел явно беднее расположенного у большого моста.

Браслет обернула промасленной бумагой, но следовавшие за мной люди что-то объясняли любопытствующим, и толпа росла.

Я прибавила шаг — они тоже.

Я побежала — они тоже.

Я окончательно почувствовала себя загоняемым зверем.

Да что всем этим людям надо?

Тело вновь удивило выносливостью: бежала я легко, хотя дистанцию увеличить не получалось. Впереди показался еще один мост, другой конец которого тонул в тумане, уже без украшений, даже без перил. Перебежав через узкий канал, я заметила в тумане силуэты невысоких домов. Оглянулась — толпа остановилась у моста.

Я тоже остановилась.

Они кричали, махали руками...

В общем, даже без переводчика ясно, что я забрела куда-то не туда.

Но и к толпе выходить страшно.

Оглянулась на туманную улицу: пространство между домами здесь намного уже, чем на противоположном берегу, и, в от-

личие от того берега, здесь не было фонарей. На грязной мостовой валялись косточки мелких животных.

Ну точно я в совсем неблагоприятном месте.

Толпа призывала вернуться.

Мне одинаково не нравились оба варианта, оставаться здесь и идти к ним. Третий вариант, хм... Отошла чуть глубже в туман и присела, очень-очень желая, чтобы меня с той стороны не было видно. Судя по тому, как пристально вглядывались и спорили преследователи, задумка удалась.

Уже через полчаса на том берегу никого не осталось. А я, отдохнувшая и снова оголодавшая, вернулась в нормальную часть города. Редкие прохожие изумленно меня рассматривали, шарахались, но не проявляли такого интереса, как прежде.

Значит, я права: проблема в браслете.

Вдруг он снова, как при первой встрече с динозаврами (они цветочки по сравнению с *тем*, что везло двуколку по мосту), потянул руку в сторону. Отойдя в переулок, я развернула бумагу.

Не нравился мне этот браслет. Даже не за эльфийский изящный орнамент, а потому, что не могла объяснить его появление.

При дневном свете внимательно осмотрев браслет, я не нашла ни трещинки, словно его отлили прямо на руке, а ведь это невозможно. Но и узкой частью он не налез бы на кисть, даже если вывернуть суставы.

Сидел, что называется, как влитой.

Вновь обернув его бумагой от пирожков, я вышла на улицу и огляделась.

Район у моста с призраком был богаче.

Здесь — беднее.

За мостом без перил — трущобы.

Если мне нужны представители власти, надо двигаться туда, где живут люди побогаче.

Спешившие куда-то женщины, увидев меня, быстро перешли на другую сторону улицы.

Проводила взглядом их юбки... Да, неаутентично выгляжу.

Собрав волосы, засунула концы под влажную майку, надеясь, что хоть издали будет менее заметно, что я девушка.

«Почему я больше не мерзну? — мелькнула мысль. Я старательно запинала ее куда подальше, потому что в ответ сразу пришла другая: — Покойники не мерзнут».

Люди расступались, буйволы жались к тротуарам. Химера бодро цокала когтями по мостовой, мы приближались к последнему перекрестку перед патентным бюро. Я поднял руки, собираясь натянуть поводья, но их дернуло влево.

Какого... Не успел додумать, запутавшаяся в лапах химера сшиблась с четверкой травоядных ящеров и пробила пятью передними рогами карету.

Карету с гербом министра внутренних дел: меч, пронзающий шестикрылую химеру. Ну так по геральдическим описаниям. Мне всегда казалось, что меч просто торчит в дохлой твари.

Сейчас меня обвинят в измене, покушении на жизнь и вообще...

Взревело черное пламя, заключая меня и скулящую химеру в непреодолимый круг.

Захотелось провалиться сквозь землю. Или в другой мир. Я схватился за пристегнутый к багажной полке порталный узел.

Бедный район затянулся. В общем-то, это логично: бедных больше, чем богатых. Но впервые я ощутила это географически.

Зато здесь не использовали динозавров, что несказанно радовало психику.

Склонив голову, я брела между обшарпанных мрачных домов, искоса поглядывая на пялившихся на меня прохожих. Два непрезентабельных парня, переглянувшись, зашагали за мной. Сердце бешено застучало, я двинулась быстрее, хотя давала о себе знать усталость.

Они тоже ускорились, так мы и топали. Я оглядывалась в поисках помощи. Редкие прохожие, в отличие от прежних, интереса ко мне не проявляли. И прохожими этими все чаще становились измученные женщины.

Их мой вид если и удивлял, то не до бледности или гневного румянца, они не пытались уйти с моей дороги.

Оглянувшись, я не обнаружила своих преследователей.

Так, отлично.

Огляделась: и куда идти? В какую сторону ни посмотри — везде однотипные простенькие дома в два-три этажа.

Решила выбрать путь наугад. Зажмурилась, покружилась, открыла глаза и пошла.

Мимо пробежал на четырех лапах динозавр, впряженный в двухместный кеб. Я даже не испугалась, ну динозавр и динозавр.

Немного не доезжая до покосившегося крыльца, он остановился. Пассажир открыл дверь.

Из подворотни, напротив которой он встал, вышла пожилая женщина с девочкой лет семи в латаном-перелатаном платье. Девочка пыталась отступить назад, но женщина крепко держала ее за запястье стиснутой в кулачок руки.

Из кеба вылез хорошо одетый мужчина и, тростью убрав с личика девочки светлую прядь, набалдашником коснулся подбородка, заставляя посмотреть на себя.

Внутри у меня все взбунтовалось, я прибавила шаг. Девочка голову подняла, но смотрела вниз. Набалдашник трости скользнул по ее шее, плоской груди. Мужчина презрительно искривил губы. Ухмылка не скрыла похотливого выражения его лица, даже наоборот. Он протянул руку назад, из кареты показалась мужская рука и вложила в его ладонь мешочек. Мгновение — и тот оказался у женщины.

Мужчина ухватил девочку за шиворот и потащил в кеб.

Я сорвалась на бег. Одна часть моей личности отказывалась принимать тот факт, что среди бела дня на улице продавали ребенка. Другая помогла увернуться от хлыста кучера и врезаться извращенцу. Еще миг, и я отступила с оцепеневшей девочкой в охапке. Та была столь худа, что сквозь платье чувствовались ребра.

Первый мужчина стонал на мостовой. Второго, все еще сидевшего в сумраке кеба, перекосило, он что-то тявкнул. Женщина с деньгами растворилась. Первый мужчина уже поднимался, бешено глядя на меня. На его пальцах разгоралось пламя.

Пламя на руке.

Настоящий огонь.

Девочка выскользнула из моих ослабевших рук. Я посмотрела на мужчину в кебе: холеный, и взгляд такой... опасный. Его пальцы засияли ядовито-зеленым светом.

И первый уже встал. Гадко ухмыляясь, подбрасывал на ладони огненный шар и будто примерялся, с какой части тела начинать меня сжигать.

Глянула на кучера — он тоже ухмылялся.

Задвинула парализованную ужасом, едва дышавшую девочку за спину и выпрямилась, расправила плечи. Убежать вместе с ней вряд ли удастся. И без нее тоже вряд ли, что-то мне под-

сказывало, что огненный шар летает не хуже снежков зимой, только с куда более катастрофическими последствиями.

Увы, человеческий мир не животный, тут гордая осанка и самоуверенность реже останавливают желающих напасть. На мою попытку выглядеть значительно мужчины только усмехнулись. Стоявшая сзади девочка вцепилась в майку и задрожала.

Огненный швырнул шар мне в ноги. Пламя размазалось по невидимой преграде, даже не подняв температуры воздуха.

Может, огонь померещился? Я смотрела на свои ноги, с которыми почти успела проститься. Но, судя по перекосившейся морде побитого мужчины, огненный шар должен был меня достать.

В меня швырнули шаром вдвое больше — без толку.

Мужчина из кеба проверил мою невидимую защиту сгустками зеленого света — не достал.

Выдохнув, я немного расслабилась.

Мужчины, переругиваясь, обстреляли меня одновременно. И если для них моя неуязвимость была удивительной, то я просто впадала в ступор. Как так? Что происходит? Я на какое-то удачное место встала? Это сон?

Сидевший в карете стал что-то громко требовать. Огненный отнекивался, потирая подбитый глаз. Наконец шумно вздохнув, ринулся на меня. Я так привыкла к своей защите, что охнула от неожиданности, когда его рука сдавила мое плечо.

Гад ухмыльнулся.

Врезала ему в пах, захватила склоненную голову и саданула мордой о колено. Мужик обмяк и повалился на мостовую.

Значит, кулаками меня достать могут.

Второй выскочил из кеба, подхватил трость первого и замахнулся. Девочка стояла прямо за спиной, неподвижная, вцепившись в майку. Я перевела глаза с набалдашника на глаза мужчины, расфокусировала взгляд и по движению плеч уловила момент удара, пригнулась. Трость просвистела над головой, я врезала мужчине под дых. Удары с короткой дистанции у меня слабоваты, но он оказался рыхлый. Сипя, сложился пополам и рухнул рядом с приятелем.

Кучер ринулся на меня с хлыстом. Схватив тяжеленную трость, швырнула в него. Он попытался увернуться, трость с хрустом врезалась ему в нос.

Нащупала за спиной руку девочки.

— Бежим! — потащила ее прочь.

Она пыталась бежать, но ноги ее не слушались, путались в ветхом подоле. Сзади что-то кричали. Вспыхнул зеленый свет. Вдалеке раздался странный мерный треск, от которого волосы встали дыбом.

Споткнувшись, девочка упала. Подхватив ее на руки, я бросилась бежать. Дыхания не хватало. Сзади кричали громче. Оглянулась: к побитым мужчинам бежали два человека в синей форме. Один раскручивал какую-то штуку, она и издавала треск. Смотрели люди в форме только на лежавших на тротуаре. Я метнулась в подворотню, подальше с глаз.

Девчонка жалась ко мне. Ноги скользили по грязи, при каждом вдохе я чуть не давилась от нараставшей вони. Шум на покинутой улице усиливался.

Руки отваливались, ноги гудели. Я привалилась к стене, позволяя девочке соскользнуть на землю; она прижалась ко мне костлявым тельцем. Я даже не сразу поняла, что она плачет, так тихо она это делала.

Ситуация такая, что врагу не пожелаешь, я — незаконная эмигрантка, попавшая неизвестно куда, избива состоятельных граждан. И даже рассказать не могу, почему избива. И не факт, что эти граждане закон нарушали. Может, тут норма детьми торговать.

Погладила девочку по голове, взяла за руку и повела прочь.

Минут пять спустя уже она вела меня по кривым проулкам, через дворы с развешенным на просушку бельем и клетками с мохнатыми животными и птицами вроде куриц, через дыры в заборах. Мимо ютившихся в подворотнях бомжей.

У меня волосы дыбом вставали: я будто вернулась в прошлое на сотню-другую лет, а некоторые места тянули на средневековье.

Окружающая обстановка давила, ломала мозг, не желающий признавать, что это все правда. Безумно хотелось вырваться из крысиных вонючих переходов. Не знаю, чем бы это кончилось для моих нервов, если бы переулки не стали шире и чище. Когда мы вышли возле огромного шумного крытого рынка, я чуть не разрыдалась.

У входа, обозначенного хлипким заграждением из выцветших бревнышек, сидели попрошайки: бабки, старики, калеки, дети. Девочка уверенно направилась к дальнему краю этой шеренги.

С каждым шагом мне все труднее было передвигать ноги, но я заставляла себя идти туда. Девочка, кивнув старику в тошно-

творных язвах, села в конце ряда. Умоляюще глядя мне в лицо, похлопала ладошкой возле себя.

Ветер принес с рынка запах пирожков и рыбы. В животе опять заурчало. Мышцы ног ломило от усталости, а костяшки правой руки саднило. Шагнув к указанному месту, я обессиленно рухнула на колени. Склонила голову ниже, чтобы не видеть проходивших мимо людей, их наверняка презрительные взгляды.

В моем странном положении это место для отдыха в принципе не хуже других.

Девочка осторожно прижалась ко мне и тихо-тихо всхлинула. Даже думать не хочу, первый раз ее так продавали или нет. Голова тяжелела, руки и ноги тоже. Разум отчаянно просил об отдыхе, хотя бы о минутке сна.

Сквозь полудрему ощутила, как голова упала на плечо девочке, затем на ее колени. Меня чем-то укрыли. От такой заботы я почувствовала себя будто бы в безопасности, почти дома...

...Меня потрясли за плечо. Рядом кто-то кричал. Точнее, тьявкал и мявкал очень громко. Часто повторялось:

— Писи мы! Писи мы!

Дурнота сна резко слетела, я открыла глаза: попрошайки разбегались, светящиеся сети сбивали их на землю и опутывали ноги. А сети вылетали из рук мужчин в синем.

Полиция, как-то сразу догадалась я.

Девочка обняла меня крепко-крепко, я с трудом села и прижала ее к себе. На нас надвигались полицейские. Переговаривались друг с другом, пристально разглядывали. Один поднял руку, и в небо сорвался фиолетовый огонек.

Оборванный мальчишка что-то спросил у этого полицейского, тот огрызнулся.

Нас не трогали. Попрошаек скручивали и грузили в повозку с изображением скалящегося животного вроде собаки. Покупатели глядели на происходящее с равнодушием, намекавшим на обыденность сцены.

Через пару минут к рынку подъехал кеб. Из него выскочил владевший огнем негодяй. Он прижимал к разбитому носу кулек, и, увидев меня, кивнул полицейским.

Полицейский тьявкнул, огненный швырнул под ноги мальчишки мелочь и подошел ближе ко мне.

Все ясно: облава на нас. Ну точно на справедливость рассчитывать не придется.

Вздохнула.

Четверо полицейских двинулись на меня, девочка затряслась от ужаса. Я крепче ее обняла, понимая, что спасения ждать неоткуда. Сильные руки схватили ее за шиворот и попытались от меня отодрать. Мы с девочкой иступленно держались друг за друга.

Затрещала ткань ее платья. Полицейский попытался разжать мои руки, но мышцы будто замкнуло. Я зажмурилась. Полицейский дернул сильнее, попробовал подsunуть пальцы под руку, коснулся браслета — и с криком отскочил.

В мое бешено стучавшее сердце прокралась надежда, что получится сбежать.

Пока один полицейский стонал и ругался, другой сорвал бумажную обертку с моей руки.

Я ждала, что нас снова начнут растаскивать, но ничего не происходило.

На рынке гудели голоса, кто-то ругался вдали.

Но ни меня, ни девочку не трогали.

Открыла глаза. Полицейские стояли на почтительном расстоянии в три метра и смотрели на меня... странно. Ну прямо взглядом Дрели.

Огненный был мертвенно-бледный, если не считать фиолетового расквашенного носа. Икнув, попятился, прыгнул в кеб. Кучер, тоже бледный и с расквашенным носом, без слов стегнул динозавров, те ринулись прочь.

Через плечо прижимавшейся ко мне девочки взглянула на свой браслет. Интересно, что он означает?

От группы полицейских отделился один постарше и направился ко мне.

Все получалось как-то не так. Не радовало меня выступление перед научным собранием и демонстрация работающего портала в другой мир.

А все почему? Потому что патент на «Единовластный брак» пришлось регистрировать на министра внутренних дел. Прощай глумление над длорами! Первый министр будет этим распоряжаться, подкупать себе сторонников.

И я теперь не единственный счастливец, у министра как раз кончался срок траура, после чего он, если бы снова не женился, лишился бы положения и силы главы рода. Пришлось в обмен на свободу от обвинений в покушении экстренно женить его на иномирянке. Прямо в патентном бюро. А потом еще согласиться на то, что офицер из особого отдела будет охранять портал, а после представления того ученым мужам, по совмес-

тительству специалистам по магической безопасности, еще и заберет мое сокровище в этот самый отдел.

И какое после этого может быть удовольствие от выступления перед почтенными мужами, самый молодой из которых вдвое старше меня, если я потерял контроль над ситуацией и после всех их издевок над «молодым да ранним» не могу ни над ними пошутить, ни похвастаться своим особым, уникальным положением?

В общем, не зря говорят, что министр внутренних дел умеет портить удовольствие.

Мне вот испортил.

Хотя...

Перекошенные лица дорогих мужей (в смысле прямо — женатых, и переносном — ученых), утешали: никому активировать портал не удалось даже после подробных объяснений. Я раз сорок запустил его, прежде чем они поверили, что это возможно. Теоретически.

Неохотно передав офицеру коробку с порталом, я стал расписывать дивные перспективы моей сообразительности, сыпля соль на раны этим в большинстве своем несвободным длюрам.

— ...Вы только представьте, как возрастет потенциал глав рода, когда они получат всю полноту власти над родовой магией!

Я расхаживал вдоль кафедры, делая вид, что в раже вдохновения не вижу их завистливых лиц, и продолжал накалять обстановку эффектными пассажами.

— ...Вообразите жизнь, когда не надо упрашивать супругу изменить цвет обоев в вашем кабинете на тот, который нравится вам, а не ей...

Особенно мучился глава собрания, он же министр науки и новых технологий. У него был неудачный брак, и обои в кабинете розовые, хотя он этот цвет ненавидел. И ведь не повлияешь особо: магией на жену не подействуешь, физически тоже — никому не хочется удар магии от браслета получить. И на стороне никого не наймешь — чревато.

А я все говорил, говорил, наслаждаясь зрелищем багровеющих лиц. Остановился с мечтательным видом:

— О, этот дивный вкус свободы! Если бы вы только знали, как это прекрасно: быть единовластным хозяином в собственном доме! Быть главой самому себе, не обремененным отношениями, свободным в выборе женщин... Вы только представьте: я первый в истории настоящий глава рода без жены!